

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Самоопределение — революционное ядро международного права	17
Глава 2. Деградация международного права?	59
Глава 3. Законность вторжения в Ирак и его оккупации	91
Глава 4. После Ирака — международное право прав человека в кризисе	101
Глава 5. Идеология в международном праве и критика Хабермаса	143
Глава 6. Содержательный взгляд на права человека	161
Глава 7. Права человека как отрицание политики?	173
Глава 8. «Постмодернистские» реконструкции прав человека	190
Глава 9. Вызов методологического индивидуализма	216
Глава 10. Скандал социально-экономических прав	239
Глава 11. Проблема «правовой трансплантации» и прав человека	266
Заключение: чего я стремился добиться этой книгой?	299
Список литературы	302
Примечания	331
Указатель	366

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга призвана диагностировать и дать предварительный прогноз относительно того безвыходного положения, в котором оказалось современное международное право и международные отношения до вторжения в Ирак и его оккупации и после этого события. Международное право оказалось в разделенном мире¹, но разделения той поры преобразовались менее чем за два десятилетия. В книге прослеживаются парадоксы одновременного возрождения либерально-кантианских концепций международного права, неожиданного распада СССР, видимого апофеоза и в то же время смертельно опасного кризиса прав человека. Я выступаю за радикальную защиту реальных достижений системы ООН в период деколонизации и за содержательный взгляд на права человека.

Мой ответ на вопиюще противоправное поведение² США и Великобритании при вторжении в Ирак и его оккупации (с 2003 г. по настоящее время³), которое нельзя назвать неожиданным после опыта Первой Иракской войны, Косово и Афганистана (см. главу 2 этой книги), заключается в том, чтобы защитить развившиеся со Второй мировой войны прочные принципы международного права, которые я подробно изучаю в главе 1. Я утверждаю, что эти принципы противодействуют беззаконию не в силу своего высокого юридического статуса, но поскольку они имеют определенное содержание — говоря точнее, символическое, материальное содержание, — обретенное в борьбе, сложенное из реальных человеческих достижений.

В этой книге поэтому предпринята попытка осуществить радикальное, диалектическое перепрочтение международного права и прав человека.

Я пишу в контексте видимого триумфа капитала — капиталистической системы — в масштабах почти всей планеты после распада — вследствие загнивания и коррумпированности — СССР в 1991 г. Такое положение дел часто описывается как некая новая форма «глобализации» — понятие, которому нередко приписывается слишком большая объяснительная сила⁴. Сообразно моей критике совершенно замечательную недавнюю попытку дать определение этому понятию можно найти у Адама Гири в «Глобализации и законе» (*Globalization and Law*). Его «рабочее определение» звучит так: «Этот термин описывает сложность и многообразие социальных, политических, экономических и культурных сил, взаимодействующих в глобальном масштабе»⁵. Несомненно, это определение можно применить к любому периоду человеческой истории; и уж точно — к XIX в. Поэтому Гири указывает, что термин описывает «переход от колониальных империй „старой“ Европы к международному порядку, установленному в конце Второй мировой войны». По Гири, этот порядок характеризуется «ограниченной гегемонией Америки и европейских и азиатских торговых блоков». Несмотря на имевшую место «формальную деколонизацию», заявляет он, до сих пор существует разделение между развитыми и развивающимися странами. Также он указывает на основание «мощных наднациональных агентств», занимающихся обеспечением функционирования мировой экономики и прав человека.

В сноске он заявляет: «Важно противостоять простому описанию идеологических/региональных блоков или банальному разделению на богатые и бедные страны, не забывая при этом, что структура мировой экономики определяется лежащим в ее основе неравенством власти и богатства»⁶.

Я признаю богатое содержание и радикальность подхода книги Гири в целом, но заявляю, что во фразе о «лежащем в основе неравенстве» игнорируется системный характер того, что происходит сейчас со всей планетой⁷. Мимоходом

комментируя «Империю» Хардта и Негри⁸ и работу Делёза и Гваттари⁹, Гири, кажется, принимает представление, что общественное есть «не более чем выражение силы». Оно «строится на взглядах Маркса, но не рассматривает все общественные отношения в терминах классовых интересов. Как теория глобальной власти, оно описывает функционирование сложной системы, нацеленной на собственное воспроизводство»¹⁰. Мимоходом замечу, что я сомневаюсь, будто Маркс когда-либо рассматривал все общественные отношения в терминах классового интереса.

Мой аргумент, в свою очередь, заключается в том, что правильным обозначением этой «сложной системы» является «капитализм», для которого неизбежно характерен империализм. Я не намереваюсь, однако, написать еще один текст с целью объяснить, почему победа капитала неизбежно должна привести к отказу от всякого радикального или системного ответа на угрозы, экологические и гуманитарные, вызванные неустанной погоней капитала за ростом и прибылью. То есть я не присоединяюсь к растущему контингенту тех теоретиков постмодерна, которые считают, что «власть» не оставляет места для коллективного сопротивления.

Я, безусловно, обязан сказать, что подразумевается под «капиталом», а также «капитализмом» — системой, движимой непрекращающимся стремлением капитала к повышению своей ценности, в которой всякое общественное отношение, всякое интеллектуальное явление и каждое присвоение человеком материального мира сводимы к деньгам. Отмечу, что ни один из этих терминов не обнаруживается в указателе в книге Гири, а в главе о МВФ, ГАТТ и ВТО ничего не говорится о возможном существовании системы. Так что я могу оказаться в затруднительном положении и в любом случае должен оправдаться.

На меня очень повлияли в этом отношении работа Кристофера Артура и марксистская школа сторонников «подхода

формы стоимости к „Капиталу“», последним представителем которой он является. Типичный представитель этой школы — советский ученый 1920-х гг. Исаак Рубин¹¹. С точки зрения этой школы, с которой я полностью согласен, капитал без всякой жалости старается превратить, трансмутировать все действительные человеческие отношения, особенно защищенные концепциями прав человека, в абстрактную денежную «стоимость», которая является его единственной целью. Этот комплекс представлений, как мне кажется, представляет собой единственный ключ к пониманию изменений в области международного права и международных отношений.

Этот подход опирается на последовательно выстроенную философскую структуру, основанную на Гегеле, Марксе и Адорно. Как сказал Артур, Рубин «делает акцент на том, что все материально-технические и экономические процессы совершаются в рамках определенных исторически конкретных *общественных форм*. Вещам, таким как товары широкого потребления, отводится социальная роль *посредников* производственных отношений»¹². Этот подход сильно отличается от подхода Пашуканиса, работа которого рассматривается в главе 1 этой книги.

Для недавно вышедшей книги Артур подготовил главу «Призрак капитала» (*The Spectre of Capital*)¹³. Как он утверждает, «стоимость — неестественная форма, которая, подобно вампиру, присасывается к труду и питается им»¹⁴. Чтобы объяснить содержание, которое он придает этой метафоре, Артур обращается к идее *реального* отрицания или отсутствия Роя Бхаскара, которая противопоставляется «онтологической моновалентности, чисто положительному объяснению действительности»¹⁵. Иными словами, если отсутствие (например, лишение прав человека) — реальный процесс, то ставшее отсутствующим в ходе этого процесса оставляет не просто «ничто», а «определенное ничто», «структурированное определенным процессом, который привел к этому

состоянию»¹⁶. Позиция Бхаскара может быть лучше всего описана как «материализм эмерджентных сил»¹⁷, а для целей исследования Артура — как «эмерджентные свойства определенного отсутствия потребительной стоимости», то есть характерное в причудливом мире капитала отчуждение у людей наслаждения использованием продуктами их труда. Как сформулировал это Артур, «в сердце капитализма находится пустота... Обращение товаров и денег как зримых материальных объектов поддерживает мир чистой формы»¹⁸.

Здесь он вступает в воображаемый мир Маркса — с его упоминанием «призрачной предметности», «чувственно-сверхчувственности», «загадочности» и т.п. — и мир прочтения Жаком Деррида призраков Маркса¹⁹. В бравурном отрывке Артур описывает смертельно опасную пустоту в сердце капитала:

Если мы рассматриваем стоимость как духовную сущность капиталистической экономики, то все ее воплощения сосредоточены в единственном источнике, а именно деньгах, пресущественной евхаристии стоимости; «призрак» есть этот пустой доспех, одновременно безмолвный металл и обладатель магической силы соединять противоположности. Призрак из металла бродит среди нас. Призрак интерпеллирует все товары как свои воплощения, сверхъестественное тождество различных, призрачную феноменологию. Это отрицательное присутствие, положенное таким образом, заполняет себя, опустошая их от всего естественного бытия и образуя для себя призрачное тело, тело призраков. При капитализме все *всегда* является «чем-то иным»²⁰.

Артур также посвящает главу²¹ распаду СССР. Он утверждает, что «в Советском Союзе метаболизм капитала был нарушен, а альтернатива не была создана; не имея органической связности, система не могла выжить после того, как завершилось действие исключительных условий революционной

мобилизации, террора и войны. СССР должен рассматриваться как отрицание социализма внутри социализма...»²².

Ключевая роль распада СССР — это также причина, по которой эмпирическая часть этой книги посвящена в значительной степени бывшему Советскому Союзу и России в особенности. Эта страна, так уж вышло, область моих научных исследований. А также — что, возможно, заставило меня сосредоточиться на этом регионе — наиболее притязательная экспериментальная лаборатория по исследованию эффективности международного права и прав человека.

Артур разделяет тревогу Адорно относительно чрезвычайного ущерба, причиненного капиталом. Адорно отметил, что «все ложно»²³. Но Артур не разделяет пессимизма Адорно. Вывод, к которому он приходит:

Мы стоим на том, что ускользает от тотальности, но в то же время поддерживает ее — на общественном труде, эксплуатируемом источнике накопительной силы капитала, несмотря на то что это отрицается. У Маркса мы видели, что живой труд (в форме, определенной как наемный труд) реализует себя только через свою дерезализацию, производя «бытие своего небытия» — капитал. Только через отрицание этого своего отрицания труд может освободить себя, человечество и природу от суккуба капитала²⁴.

Я не мог бы сформулировать лучше. На самом деле, если все, что у меня получится сделать с помощью этой книги, — заставить читателей изучить работу Артура, я был бы весьма доволен.

Еще один радикальный взгляд на капитализм можно найти в тексте Бадью «Апостол Павел», в первой главе «Современность Павла». Бадью утверждает, что современный мир далеко не так сложен, как заявляют те, кто хочет его увековечить. Сбылось вдохновенное Марксом предсказание: мир наконец-то *конфигурирован*, правда как мировой рынок. Бадью

выделяет следующий парадокс: «...Во времена сделавшегося всеобщим рыночного обращения и иллюзий мгновенной культурной коммуникации повсюду множатся законы и регламенты, призванные запретить циркуляцию людей»²⁵. Он прибавляет:

Жиль Делёз верно говорил о том, что капиталистической детерриториализации нужна постоянная ретерриториализация. Капитал, принцип движения которого гомогенизирует пространство его действия, требует постоянного порождения субъективных и территориальных идентичностей, которые притягают только на равное с прочими подчинение единообразным правилам рынка²⁶.

Именно на этом основании Бадью разворачивает язвительную атаку на современную ортодоксию прав человека; я вернусь к этому вопросу в одной из следующих глав.

Частично эта книга нацелена на то, чтобы определить роль, которую права человека могут или должны играть в сопротивлении общественному труду, в его попытке «отрицать отрицание». И снова Гири обеспечивает хорошую отправную точку. Он заявляет, что права человека можно рассматривать как «многообразие властных отношений» в отношениях между суверенитетом и властью²⁷. Он использует понятие трех поколений прав Карела Вашака²⁸ и замечает, что третье поколение «прав солидарности» (или прав народов) есть юридические требования, которые функционируют политически, так что «не приходится удивляться, что их выражение некоторым образом связано с борьбой против колониализма». Возможно, именно это он и имеет в виду под «агонистическим характером» прав.

Мой собственный тезис, подробно раскрытый в этой книге состоит в том, что каждое из трех поколений прав человека берет свое начало в революционной борьбе и каждое, следовательно, не просто носит риторический характер, но обладает предметным содержанием. По этой и ряду других

причин я не согласился бы с Гири, когда он утверждает, что «мы можем теперь говорить о четвертом поколении прав: права, которые оправдывают военную интервенцию во имя человечности»²⁹. Интервенция (*intervention*) или вмешательство (*interference*), как бы они ни характеризовались и какими бы благородными мотивами ни обосновывались, никогда не были — и уж точно не являются сейчас — частью борьбы индивидов или общностей. Ранее я писал о французской интервенции в Руанде, которая должна была дать пример нового «права и долга»³⁰. Недавние разоблачения подтверждают мое утверждение, что обоснование этой операции, как и всех ей подобных, было исключительно циничным.

Эта книга также доказывает возможность политики. Я согласен со Славоем Жижекком, что «политика не может быть низведена до уровня стратегически-прагматических интервенций. В радикальном политическом действии разбивается противопоставление „безумного“ разрушительного жеста и стратегического политического решения»³¹. Это уточнение важно, потому что для меня права человека — это именно те скандальные разрывы с ранее существовавшими способами общественной жизни, которые возникли в контексте великих исторических событий: Французской революции, Русской революции и борьбы за деколонизацию 1960-х. Права человека наполняются содержанием и вновь обретают свое значение в ходе социальной борьбы. Они — существенная часть возможности политики. Жижек утверждает: «Дело не только в том, что, будучи всецело вовлечены в политический проект, мы готовы поставить на кон ради него все, включая нашу жизнь, но скорее в том, что *только такой „невозможный“ жест чистой траты может изменить сами координаты того, что стратегически возможно в пределах исторической констелляции*». Он добавляет: «...действие — „избыточная“, трансстратегическая интервенция, которая переопределяет правила и контуры существующего порядка»³².

Глава 1 позволяет решить сразу несколько задач в позиционировании аргументов книги. Для меня самым важным достижением Организации Объединенных Наций было — вопреки ей самой — последовательное утверждение права народов на самоопределение, сперва как принципа, а затем как права в международном законодательстве. Теперь оно признано Международным судом как *jus cogens*, императивная норма, обязательная для всех государств. Это достижение во многом было обязано бывшему СССР и его союзникам и восходило к теоретической и практической деятельности В. И. Ленина; но совершенно парадоксальным образом. Чтобы проследить преобразование советского международного права в воплощение позитивизма, я анализирую работу Евгения Пашуканиса; в этом находит продолжение мой спор — уже принесший реальные плоды — с Чайной Мьевилем и его выдающейся попыткой разработать марксистскую теорию международного права. Мое несогласие с ним касается не только, как он признает, наших очень разнящихся взглядов на права человека и даже верховенство права, но также и значимости советского понимания международного права во времена Пашуканиса и позже в сопоставлении с советской поддержкой национально-освободительных движений. В главе 2 я анализирую очевидную деградацию международного права на примере политики Соединенных Штатов и Великобритании в войнах, которые велись с 1990 г., когда закончилась холодная война, в Ираке, Сербии и Афганистане, обращаясь к исследованиям ведущих специалистов по международному праву, а также рассматриваю энергичную критику прав человека со стороны специалиста по международным отношениям Дэвида Чандлера. В результате я получаю возможность сформулировать мои главные тезисы.

В главе 3 даю обзор научной литературы по Иракской войне с 2003 г. до настоящего времени, не просто ее незаконность, относительно чего существует широкий консенсус,

но также и предлоги, использованные Великобританией и США для вторжения в Ирак без санкции Совета Безопасности ООН. Я также объясняю, почему против Тони Блэра и его коллег должно быть произведено расследование на предмет военных преступлений. Это подводит меня в главе 4 непосредственно к обсуждению проблематики не только международного права, но и «автономных режимов» (Мартти Коскенниemi) гуманитарного права и права в области прав человека. Имеет ли первое приоритет над вторым в условиях вооруженного конфликта; способны ли правозащитные механизмы справиться с вызовами, возникающими в результате применения силы? Я разбираю опыт России в Чечне — я принимал непосредственное участие в возбуждении дел в Страсбургском суде — и ставлю вопрос о перспективах подачи жалоб на нарушения со стороны Великобритании.

В главе 5 критически рассматривается работа одного из наиболее яростных критиков международного права, Сьюзен Маркс. Ее новаторская работа приводит меня к критике философа, к которому я испытываю уважение и симпатию, Юргена Хабермаса. Я утверждаю, что его постмарксистская попытка теоретического и практического согласования есть сама по себе пагубная идеология в том смысле, что она затушевывает конфликт, лежащий в основе мирового порядка.

После этого я разъясняю собственную позицию по международному праву и правам человека, совершая необходимый следующий шаг от аргументов главы 1. В главе 6 представлена моя собственная попытка выработать «содержательный», аристотелевский — под этим я подразумеваю марксистский — взгляд на права человека, основанный в значительной степени на аргументах относительно происхождения в теории и на практике ключевого права системы ООН и «третьего поколения» прав человека. Я проделываю это в ходе полемики (имеющей педагогическое значение) с ведущим современным аристотелевцем, Аласдером Макинтайром. Я начинаю,

естественно, с его книги «После добродетели»³³, содержащей отрывок, цитируемый ныне как пример «нигилизма в отношении прав человека». Но в действительности за два года до публикации этой книги Макинтайр прочитал лекцию, в которой заявил:

Именно потому, что естественные права — философская фикция, политические воззвания к естественным правам всегда систематически вводят в заблуждение... В их использовании, как это было с самого начала, проявляется некоторый недостаток принципа... В этом театре абсурда, Организации Объединенных Наций, права человека есть идиома наподобие хороший, плохой, злой³⁴.

Представив собственную позицию, я перехожу к рассмотрению некоторых других современных критиков прав человека.

В главе 7 я полемизирую с двумя ведущими современными исследователями, представившими особенно резкие вызовы дискурсу и практике прав человека, Славоем Жижекком и Аленом Бадью. Однако моя критичность не заставляет меня сразу отвергать их аргументы. Напротив, их радикальные предложения разрабатываются для восстановления возможности политики. Именно в обновлении политики, как мне кажется, права человека также вновь обретают свой скандальный символический резонанс и материальность. В главе 8 рассматриваются, напротив, два довольно дружелюбных — на первый взгляд — критика прав человека: Костас Дузинас и Колин Перрин. Однако мое прочтение их работы, весьма интересной и важной, имеет более острую грань. На мой взгляд, ни один из этих ученых не ведет тему прав человека никуда, кроме тупика. Особенно удивляет последний теоретический «поворот» Дузинаса.

От этой темы я перехожу в главе 9 к углублению критики методологического индивидуализма в теории прав человека, и в особенности прав меньшинств. Как и в других, в этой

главе я заявляю о себе как последователе не только марксизма, но также и раннего критического реализма Роя Бхаскара. Объект моей критики — широко распространенное нежелание специалистов по правам человека признавать существование групп и групповых прав.

Глава 10 посвящена другому аспекту борьбы вокруг содержания прав человека, который особенно актуален в Великобритании. Предмет моего интереса здесь — социально-экономические права и чрезвычайная аллергия на них, которая обнаруживается в мире Общего права. В то же время я утверждаю, что мой содержательный, исторический подход восстанавливает это часто игнорируемое «второе поколение» прав на их надлежащем месте по соседству с гражданскими и политическими правами, закрепленными во французской Декларации 1789 г. Права меньшинств — еще один актуальный и крайне политизированный аспект прав человека и международного права. Именно здесь взаимодействие с политической наукой становится необходимым.

В главе 11 приводится еще один пример того, как теория и практика прав человека проблематизируются на каждом шагу. В данном случае объектом моей критики является вопрос о «правовой трансплантации», который логически следует из частого осуждения дискурса прав человека как ненадежно западного.

Это подводит меня к заключению.